

РАЗДЕЛ 6.
ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Балаклеец,
Ульяновский государственный технический университет

**ДРОНЫ КАК ОРУДИЕ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ:
«НАДЗИРАТЬ И УНИЧТОЖАТЬ»**

Рассматривается трансформация военных действий, характерных для постгероических обществ и основанных на использовании беспилотных летательных аппаратов (дронов). Эксплицируются особенности паноптического надзора дронов. Обосновано, что применение дронов принципиально меняет парадигму войны, способствуя ее беспрецедентной асимметризации.

Ключевые слова: война, человек, постгероическое общество, дроны, паноптизм, военные технологии, героизм.

N.A. Balakleets, Ulyanovsk State Technical University

DRONE WARFARE: «DISCIPLINE AND DESTROY»

The paper deals with the warfare transformation that characterizes post-heroic societies and that based on the use of unmanned aerial vehicles (drones). The features of panoptic surveillance of drones are explicated. It is substantiated that the use of drones fundamentally changes the paradigm of war, leading to its unprecedented asymmetrization.

Keywords: war, human, post-heroic society, drones, panopticism, military technology, heroism.

Одной из особенностей современных войн является использование в них новых видов военной техники, которая не просто повышает боеспособность армий, но принципиально меняет парадигму войны. Тенденция делегирования отдельных человеческих функций техническим объектам или полной замены человека компьютеризированной техникой не могла не затронуть и такую значимую область человеческого и социального бытия, как ведение войн. На смену традиционной военной технике, требующей непосредственного присутствия человека, приходят беспилотные летательные аппараты (БПЛА),

управляемые дистанционно. Дрон, используемый в боевых операциях, – это не просто техническое средство, выполняющее задачи разведки и уничтожения заранее намеченной жертвы. Он может быть признан символом постгероического общества (Г. Мюнклер [1, с. 156-192]), утратившего идеалы жертвенности и не желающего нести людские потери при решении боевых задач.

Подчеркнем, что на сегодняшний день война не перешла в фазу противостояния автономных систем оружия, человек по-прежнему не исключен из процесса принятия решений на войне. Вместе с тем, можно говорить об отчетливой тенденции деантропологизации военных действий, затрагивающей высокотехнологичные общества. На смену героям, готовым пойти на смертельный риск ради интересов социального целого, в постгероических обществах приходят технократы, для которых ведение войны – это аналог компьютерной игры. Как утверждает М. Деланда, начиная со второй половины XX века компьютерные модели ведения войны стали факторами, определяющими мышление военачальников. В наиболее радикальных вариантах военных компьютерных игр люди полностью устранены из процессов принятия решения, которое является прерогативой игровых автоматов [2, с. 127-153]. Функции, традиционно выполняемые человеком – бойцом, связистом, разведчиком, военачальником, – сегодня делегируются беспилотным летательным аппаратам или кибероружию. Показательно, что дронизация насилия в постгероических обществах вносит коррективы в классический военный этос: смертоносному оружию могут приписываться человеческие добродетели (перефразируя авторов одного из британских военных докладов, можно утверждать: «если дрон проявляет доблесть, то именно потому, что позволяет избежать потерь в своих рядах» [3, с. 114]). В противостоящих им рядах повстанцев, напротив, человек может низводиться до уровня технического объекта: «изобретается человеческий дрон: человек, дистанционно управляемый другими людьми, имеющими возможность взорвать его в любой момент при помощи дистанционно управляемого устройства» [3, с. 93].

Со стороны США – государства, активно разрабатывающего программы дистанционного ведения войны, – в боевых операциях участвует беспилотный летательный аппарат MQ-9 Reaper («жнец» – название отсылает к антропоморфному образу смерти с косой – GrimReaper). Он является модификацией знаменитого дрона Predator («хищник»). Беспилотник оснащен ракетами класса «воздух-земля» Hellfire и высокоточными бомбами с лазерным наведением, а также системой разведки, которая объединяет множество

инфракрасных видеокамер и лазеров, отправляет до 65 потоковых изображений одновременно разным адресатам и позволяет осуществлять надзор за территорией размером четыре на четыре километра. Так, с высоты полета 3,2 км можно различить номерные знаки автомобилей. Система носит мифологическое название «взгляд горгоны» (GorgonStare). Кроме того, ведется разработка системы видеонаблюдения ArgusIS, названной по имени всевидящего великана из древнегреческой мифологии, который также именуется Паноптом (*panóptes*) [4, с. 293-294]. В этой связи уместно привести меткую характеристику дрона, предложенную французским философом Грегуаром Шамаю, – «глаз, ставший оружием» [3, с. 16].

Паноптизм дрона представляет собой современную модификацию паноптической модели, первоначально разработанной Иеремией Бентамом и исследованной Мишелем Фуко. Классический паноптикон является архитектурной моделью, позволяющей осуществлять централизованный надзор за множеством изолированных индивидов [5]. Несмотря на успешное использование принципов паноптизма в организации социального пространства различных дисциплинарных учреждений – пенитенциарных и образовательных заведений, клиник, казарм – исследователи неоднократно обращали внимание на ограниченность классического паноптикона, который не может претендовать на статус универсального средства надзора и осуществления власти [6, с. 16-18], [7, с. 147-148]. Паноптикон привязан к определенному топосу физического пространства. Это локальная, статичная и затратная модель, требующая строительства специальных сооружений, предназначенных для изоляции индивидов и надзора за ними. Паноптический надзор дронов становится децентрализованным, динамичным и гораздо более эффективным по сравнению с классическим паноптизмом дисциплинарных обществ. Децентрализация наблюдения может достигаться в пределах архитектурного пространства городов за счет использования многочисленных видеокамер, окуляры которых буквально пронизывают траектории перемещения горожан.

Использование дронов позволяет не только проводить одновременное высокоточное наблюдение за множеством индивидов, но и делокализовать его, освободив от привязки к определенной, строго ограниченной территории. Как отмечает Г. Шамаю, «наблюдение при помощи дрона более экономично: оно не требует ни преобразования пространства, ни навешивания устройств на то, что уже было построено. Ему достаточно воздуха и неба. Как в фильме «Eyeborgs», камеры отделяются от стен, одновременно с этим получая крылья и оружие. Мы вступаем в эпоху вооруженных и летающих паноптических устройств. Что касается взгляда Горгоны, то она обращает в камень того, кто имел несчастье с

ним пересечься. Это взгляд, который убивает. Больше не «надзирать и наказывать», а *надзирать и уничтожать*» [3, с. 53].

В условиях традиционной войны далеко не всегда использование оружия приводит к физическому уничтожению неприятеля: врага можно обезоружить, допросить, интернировать в лагерь для военнопленных. Постгероическое ведение войны с использованием дронов не оставляет его агентам возможности тактического и морального выбора: дистанционное насилие не знает пощады. Оператор дрона имеет дело не с врагом, имеющим привычный человеческий облик и готовым нанести ответный удар или просить пощады, но с его цифровым субститутом – безмолвной мишенью, подлежащей уничтожению.

Антигуманный характер использования дронов в военных операциях маскируется эвфемизмом «таргетированное убийство» (т.е. целевое уничтожение заранее определенных жертв, подозреваемых в совершении или подготовке терактов). Вместе с тем, ракетно-бомбовые удары беспилотников не отличаются ювелирной точностью: в числе их жертв далеко не всегда оказываются исключительно террористы. Таким образом, применение боевых дронов приводит к существенной трансформации войны, ведущейся постгероическими обществами, которая следует пути крайней асимметризации и по сути становится односторонней расправой над людьми.

Список литературы:

1. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
2. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый; Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2014. 338 с.
3. Шамаю Г. Теория дрона. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 280 с.
4. Bröckling U. Drogen und Helden // Helden – Heroisierungen – Heroismen. Bd. 4. Vom Weihegefäß zur Drohne. Kulturen des Heroischen und ihre Objekte. Würzburg: Ergon-Verlag GmbH, 2016. S. 291-301.
5. Балаклеец Н.А. Дисциплинарная власть как способ управления современным обществом // Современные проблемы права и управления. 4-я Международная научная конференция: сб. докладов / Институт законовещения и управления ВПА. Вып. 4. Тула: Папирус, 2014. С. 139–142.
6. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
7. Joyce P. The Rule of Freedom. Liberalism and the Modern City. London, New York: Verso, 2003. 292 pp.